

Асабліва сенсацыйным здаўся мне першы абзац прадмовы да слоўніка. Працую яго: «Вугорска-беларускія культурныя сувязі бяруць свой пачатак у Сярэднявеччы, пры гэтым першая фіксацыя этноніма *беларус* (тут і далей выдзелена ў арыгінале. — А. М.) на лацінскай мове звязана з каранаваннем у 1217 г. у Галіцыі караля Кальмана, сына вугорскага караля Андраша II. Кальман атрымаў тытул (i) «*караля беларусаў*» (*Rex Ruthenorum Alborum*)» [3, 3]. Працытаваныя радкі прама ўказваюць

на блізкую круглую гадавіну першага ўпамінання ў рукапіснай крыніцы назвы цяперашняй нашай дзяржавы.

А праз пару гадоў я атрымаў названы ўжо альбом А. Сувовава, супаставіў даты. Атрымалася, што ў 1217 г. горад на Бугу ўваходзіў у склад Галіцка-Валынскага княства, што гэта дзеля яго (а, можа, яшчэ дзеля Новагарадка, на які прэтэндавалі і наведваліся туды ваеннымі паходамі валыняне) пры каранаванні Кальмана да яго тытулаў было дададзена

на яшчэ словазлучэнне «*кароль беларусаў*».

І тады ўпершыню падумалася: а ці не спалучыць нам абодва гэтыя юбілеі — 800-годдзе першага (пакуль!) упамінання ў пісьмовай крыніцы нашага сённяшняга этноніма і 1000-годдзе Брэста — у адным і тым жа 2017 годзе?! 800-годдзе, вядома, больш сціплая дата ў параўнанні з 1000-годдзем нашых суседзяў-літоўцаў, але таксама вельмі значная, істотная — як для нашай самапавагі, так і для іміджу ў Еўропе і свеце.

Літаратура

1. *Сіцька, З.* Утроп Літвы / З. Сіцька. — Баранавічы, 2009.
2. *Тысяча гадоў добраму суседству*: Беларуска-літоўскае гістарычнае і літаратурнае сужыццё / скл. С. Панізнік; гал. рэд. А. Мальдзіс. — Мінск, 2009.
3. *Угорска-беларускі слоўнік* / рэд. А. Голаш, Л. Станкевіч. — Нірэдзьгаза, 2007.
4. *Чамярыцкі, В.* Ня вытокаў беларуска-ірландскіх сувязей // Беларусіка = Albaruthenica. — Мінск, 2000. — Вып. 14.

В. В. Медушевский

Духовные основания национальной культуры

В статье анализируется неразрывная связь национальных культур с духом цивилизаций, частью которых они являются. Рассматриваются основания православной цивилизации, обусловившие яркие национальные особенности русской культуры и ее миссию в истории человечества.

Культура пачаеся з жадання слухаць і вобпрашаць. Немецкае слова Forschung (ісследованне) не слукавым абразам этымалогічэскі выводзіцца з Frage (вопрос), родствэннага саотвештвующім рускім словам. Глубокай вобпрашаюшым сьмьсл спрытан в словах «ісследованне» (ходженне вслед мыслы Создателя), «метод» (здесь корень «ходос», «ход» і префикс со значеннем «за»). Всякое открьтте по определению превьшает ум человетчэскій. Величайшыя открьттия именуется откровениями.

Кого мы спрашываем? Кто отвешает? Все на роды односточно чувствовали: отвеш приходит свьше. Ум — око души. Видеть нельзя без света, а он приходит, когда есть жаданне что-то поньять. На молитвенные вобпрашания И. Кеплера о тайнах астрономии явилось ему во свете удивительное уравнение, впервы свьзавшее в одной

формуле время и про странство («квадраты периодов обращения планет вокруг Солнца относятся как кубы больших полуосей орбит планет»).

Какая интуция стоит за поньятием культуры? Заповедь культуры — возделыванне — впервы прозвучала в раю из уст Божиих: возделыванне Рая. Не ада! — как напрасно полагаем мы. Эту заповедь свьтые отцы понимали не в сельскохозьяйственном сьмысле, а в духовном: как возделыванне мыслей Божиих, проникнутых любовью и светом.

В настоящее время национальные культуры не сьществуют сами по себе. Они встроены в цивилизации, принимают и развивают их великие откровения, либо угашают их, становясь дегенеративными и исчезая с карты земли.

*Есть у меня шестерка слуг,
Проворных, удалых.
И все, что вижу я вокруг, —
Все знаю я от них.
Они по знаку моему
Являются в нужде.
Зовут их: Как и Почему,
Кто, Что, Когда и Где.*

Р. Киплинг

Культур — множество. Цивилизации легко считать на пальцах.

Крупнейшие ученые Запада признают право-славную цивилизацию как автономно стоящую в мире. Наше время, по прогнозу С. Хантингтона¹, — эпоха нарастающего спора цивилизаций. Как он полагает, малые страны в поиске цивилизационной идентичности будут все теснее прижиматься к стержневым странам. Сейчас гомогенность нарушена по историческим причинам. Например, Япония следует в фарватере США, но с ростом могущества Китая, выкинувшего К. Маркса и вдохновленного возвращением к конфуцианству, изменит ориентацию и примкнет к синской цивилизации. И. А. Ильин, умерший в 1954 г., словно ясновидец, в деталях описал распад исторической России в постбольшевистский период, однако предвидел новое собирание России. И по Хантингтону, эта стержневая страна Православной цивилизации вновь начнет притягивать к себе родственные по духу страны.

Сбыться или не сбыться прогнозам — зависит от верности стран духу породившей их цивилизации.

Обстановка в мире сейчас такова, что перед двумя христианскими цивилизациями встал жесткий выбор: либо, погружаясь и далее в неслыханный разврат, продолжить стремительно вымирать, либо воспринять духом.

По оценке Ватикана, число последователей ислама превысило число христиан в мире и продолжает возрастать, притом не только за счет демографического роста мусульманских народов на фоне стремительного вымирания народов христианских, предавших веру, но и за счет перехода в ислам же христианок, не находящихся в родной среде защиты их целомудрия, чистоты, права на мир в семьях и любовь.

Запад уповает на силовое расшатывание мусульманского мира. Недальновидно. Все решает сила жизни, вдохновением веры поднимающая цивилизации. Такое осознание тоже приходит на Запад. Ведущие политические деятели во всеуслышание заявили о провале политики мультикультурализма, глупо возлагавшей надежды на то, что представители иных цивилизаций в погоне за комфортом согласятся раствориться в разлагающемся обществе Запада. Случилось противоположное: мусульманские и иные общины стали еще ревностнее охранять свою веру и превратились в весомую силу внутри самих западных стран. Повторяется бывшее в Римской империи после воцарения в ней разврата с демографическим коллапсом.

А что противопоставить? Если нет рождений (дети, вопреки лживой вере в деньги, рождаются не от них, а от любви, а она от — веры), то кто будет поддерживать слабеющую экономику? Противопоставить можно только новое горение веры.

Показательно заявление премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона, призвавшего к возрождению традиционных христианских ценностей, которые должны быть противопоставлены «моральному краху» страны. «Мы христианская страна, и не должны бояться говорить об этом». «Библия помогла Великобритании обрести моральные ценности, сделавшие Британию такой, какой она является сегодня».

А как быть с умножившимися в числе выходцами из иных цивилизаций? Кэмерон утверждает: «Людям легче верить и служить в рамках других конфессий, в ситуации, когда Британия уверена в своей христианской идентичности». Другими словами, сомнения в национальной и вероисповедальной идентичности вносят хаос и в другие религии. Напряженность возникает из-за господства неверия в обществе. Интересный ход мысли! Видимо, и в самом деле так? Разгул индивидуализма, приведший к падению нравов, не может вызывать у поселившихся в стране мусульман напряжения и желания противодействовать аморализму укреплением своей веры. Да и на какой основе развращающемуся индивидуализмом обществу привлечь к себе тех, для кого авторитет веры сохранил свою высоту? Не ясно ли, что в конечном счете, как это всегда было в истории, победят те народы, которые стараются жить чисто и вдохновенно, победят мирным путем, сохраняя бодрый дух жизни, в частности, и неприятием эпидемии абортотворения?

Не политики определяют судьбы народов, а их преданность культуре, включенной в родовую цивилизацию с ее догматическим ядром. Отсюда вдохновение, энтузиастическая энергия жизни. Если не могут народы, словно зайцы по полям, скакать из цивилизации в цивилизацию, но раскрываются в полной мере в рамках своей исконной великой традиции, проблема национальной идентичности решается через вживание в свои глубочайшие и плодоносные духовно-цивилизационные основы.

Каковы они?

Различие двух христианских цивилизаций хорошо схватывается в оппозиции, предложенной о. Павлом Флоренским, писавшим об установке психического иллюзионизма

¹ Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М., 2003. — 603 с.

на Западе и об онтологизме православного Востока.

Онтологизм по Пармениду и элеатам есть тождество бытия и мышления. Удовлетворяет этому критерию один лишь Бог, славимый в Троице Ипостасей: Он и единственно Сущий (Исх. 3:4; Ин. 8:25), и единственный всеобъемлющий Ум, пребывающий в любви. Любовь не может быть к себе. Она в самоотдаче. Кому отдает себя Бог? Миру и людям? А до того был эгоистом? Нет. «Я не изменяюсь», — говорит Бог (Мал. 3:6). Как объяснил Максим Исповедник, а современный греческий богослов митрополит Иоанн Зизиулас написал об этом целую книгу, Бог един не в силу бытия, потому что тогда Он рабски зависел бы от него, и не был бы абсолютной свободой. Но Он свободно утверждает образ Своего бытия в любви, вечно рождая Сына и испуская Духа, отвечающих Ему любовью. Мы же обладаем не собственным, но заимствованным от Бога бытием и созданы Им для участия в Божественной жизни, лишь в Нем приближаясь к критерию онтологизма.

По отношению к Божественному откровению древнегреческая идея онтологизма, заквасившая собой культуру античной Греции, — лишь тень, философская догадка. Онтологизм как огонь мы увидим в русской культуре. А как охвативший все бытие пламень любви — в Царствии Божием. Кто может быть участником Божественной жизни? Только боги по благодати.

В ключевом пункте обожения началось все углубляющееся расхождение между цивилизациями Запада и православного Востока.

Великая цель обожения была забыта на За-

² На центральность понятия «обожения» в православии внимание западных богословов впервые было обращено в 1932 г. См. об этом: *Russell, N. The Doctrine of Deification in the Greek Patristic Tradition.* — NY: Oxford University Press, 2004. — 418 p.

³ Но Господь говорит: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6:33). Недопустимо искать в первую очередь остального и прочего, потому что Царство Божие ни к чему не прилагается, но само является средоточием всякого блага.

паде, но составляет сердцевиной православия². Оттого-то центральным праздником Запада оказывается Рождество Христово, а в православии — Пасха. Запад радуется, что Христос пришел на землю, живет с нами и помогает нам³, а православие — тому, что Он воскрес, дабы и мы воскресли с Ним в живом чувстве неотмирной красоты Небесного, в жажде вечного, в стремлении к святости. Православные радуются, что Христос вывел нас из тени смертной, даровав нам победу над смертью, возможность уже на земле жить обновленными, в полноте воспринимать преобра-

жающую силу благодати, особенно явную в сонме святых.

Мерой онтологизма измеряется различие христианских цивилизаций. Как ответят они на основной вопрос онтологизма, соотношение бытия и мышления? Словно бы в противовес декартовому «*cogito ergo sum*», — «мыслю, следовательно, существую», великий чудотворец Иоанн Кронштадтский пишет: «Мы потому и можем мыслить, что есть беспредельная мысль, как потому дышим, что есть беспредельность воздушного пространства. Вот отчего и называются вдохновением светлые мысли о каком-либо предмете. Мысль наша постоянно течет именно под условием существования беспредельного мыслящего Духа».

Западной схоластике, гносеологизму, рационализму, редукционизму, сенсуализму как опоре на плотские ощущения при отсутствии свидетельств духовного опыта русская культура противопоставила способность все частности жизни ощущать в свете последних судеб, в масштабе вечности. «Во всем ищите великого смысла», — учил Нектарий Оптинский. «Во всем мне хочется дойти до самой сути», — вторит ему Пастернак.

Мало усилий ума. Начало жизни — в благом избытке сердца. Вне благодатной любви понять ничего нельзя. Мы служим Богу, по святым отцам, одновременно тремя силами души: умом, сердцем, волею. Любовь неотрывна от труда воли, а она — от поступков. Тогда совесть выступает на первый план, как пишет Г. Свиридов: «Русская культура неотделима от чувства совести. Совесть — вот что Россия принесла в мировое сознание».

Онтологизм есть и в западной культуре. Она, хотя и мучается картезианством, к нему не сводится. В шедеврах красоты дышат откровения изначального вселенского православия. Но русская культура способна дать дополнительное помазание духа онтологизма.

Призвание России — не отрицать западную культуру, но, имея дар всемирной отзывчивости и духовно-сердечного понимания, все принимая в себя, утеплять любовью, вдохновлять верой и окрашивать западные находки в тона православного онтологизма.

Разве Россия изобрела рояль? Но она открыла искусство весовой игры. На Западе исходно: рассудок навис как контролер над бегающими по клавишам пальчиками. В искусстве же весовой игры дно звука принимается через руки в полноту духовного сердца. И тут же, из жеста раскрытия души в Бога, рождается океанская сила русского исполнительства, восторгающая

слушателей в радость неземного бытия. Рахманинов прямо говорит о чувстве миссии, без которого пианист не может выйти на сцену⁴.

Не Россия изобрела скрипку. Но великий скрипач, лорд Иегуди Менухин, недаром говорил: «Учиться играть надо только у русских». Они играют «классически: эмоционально, но без аффекта. А мы «преувеличиваем», «пережимаем»⁵. Пережимаем — это и значит: по-декартовски начинаем со своего мнения, закрывая им Бога. Из этих пояснений следует, что играть по-русски — значит играть бытийственно, духовным бытием, онтологично.

Слово, понятие и явление виртуозности — не исконно русские. Но Чайковский указал на глубинный корень отважной красоты: объективность. Разумеется, — не в марксистском, а в онтологическом понимании: играть надо не психизмами, а всецелым бытием. При сочинении Скрипичного концерта он в порядке учебы у Запада выписывал для себя виртуозные пассажи из сочинений зарубежных композиторов-скрипачей. Но не воспользовался ими: дыхание онтологизма подсказало ему небывало подъемные решения.

Не Россия первой открыла нить развития как нарастания красоты. Но почему-то певец Хосе Каррерас для исцеления от рака крови избрал Второй концерт Рахманинова, и исцелился, неутомимо вслушиваясь в него.

На свойство всемирной отзывчивости русской культуры обратил внимание Ф. Достоевский. Оно не случайно. У него есть онтологическое задание: преображение мирового опыта в свете последних судеб мира. Бог в вечности мыслит историю мира телеологически, от конца к началу. Любовью Своей Он увидел каждого из нас в Царствии Небесном и ради встречи в нем создал мир, устремив историю, школу жизни, к ее эсхатону — грани, за которой время вливается в вечность и растворяется в ней: перегородки между прошлым, настоящим и будущим тают, так что остается только одно настоящее, подлинное настоящее. Ради приближения Царства, когда Бог будет все во всем, в историческое время вошел Христос, возвестивший: Царство Божие приблизилось.

В способе восприятия мировой истории и жизни, как это показал митрополит Иоанн Зизиулас в книге «Бытие как общение», возбудившей мысль США и Европы, наблюдается расхождение между двумя христианскими цивилизациями. На Западе, констатирует ученый, воцарился «исторический Иисус». Почему совершается таинство евхаристии в Церкви? Потому, отвечает западное богословие, что так

законоположил исторический Иисус. В центре же православного богословия — эсхатологический Христос. Он ждет нас и призывает искать этой встречи. И смысл каждой Евхаристии в том, что она приближает эсхатон. Таким образом, мы ориентируемся в сущем не памятью, которая исторически может слабеть, но напряженным ожиданием, устремленным к Царствию.

Цель сравнения двух цивилизаций не в разжигании споров, какая лучше. Она в том, чтобы лучше уяснить свою специфику и мыслить не в категориях столкновения, а плодотворного общения.

Идеальный образ взаимоотношений можно видеть в устройении сонатной формы, изобретенной на Западе и особым образом повернутой у русских композиторов.

Активная, беспокойная главная партия — как бы Запад. Россия — побочная: зона трансценденции, надежды мира. Всегда чудо. Только так и может быть исполнена. В XIX в., особенно в русской музыке, олицетворяет жажду мира, покоя, тепла, задушевности, мягкости, свободы, веры и молитвенности, просияние вечного. Стремится быть зоной света, чистоты, милующего сердца, смирения, кротости, освобождения от напора страстей, от напряженности и суеты, иногда и от вещественного начала при собирании в мысль о небесном. От богочеловеческих добродетелей побочной темы веет духовной сладостью и изумлением ума. Это сфера истинной жизни духа, которой окрыляется единый интонационный субъект сонаты.

К чему призывает сонатная форма две цивилизации? Партий две, а субъект жизни — один, соборный.

В идеальной истории человечества назначение мистической побочной⁶ (в духовном смысле главной) партии — плавить железо мира в огне Божественной любви.

В реальной же истории главная партия не ищет откровений побочной, а хочет переделать ее под себя. Россия же не выполнила долг

⁴ Этот особый характер русской музыки ярко воспринимается из письма Ильина Рахманинову (от 6 декабря 1929 г.). Гениальный философ писал гениальному композитору: «Дорогой Сергей Васильевич! Я вернулся вчера домой потрясенный до глубины души. Хотел написать вам сейчас же; но где же было взять слова? Какие звуки! Какая власть! Какие линии! Это звуки — поистине серафической нежности и чистоты; это власть — Микель Анджеловской мощи; и эта солнечная прозрачность голосов; и это дыхание!.. Эта музыка по истине — сверхчеловеческая. Минутами делается даже страшно, как в очень высоких снежных горах. Хотелось спросить — да неужели это возможно? Неужели мне когда-нибудь удастся найти слова, чтобы написать о Вашей музыке?»

⁵ «Россия — это сама жизнь». Заметки иностранцев о России с XIV по XX век. — М., 2004. — с. 425.

⁶ Эти термины — калька немецких. Русские музыканты говорили просто о первой и второй темах.

побочной, а по смыслу главной партии. За соблазн миру будет бита. По нашей вине геополитическая сонатная форма мира не дописана до конца. Нельзя жить прошлым. Надо, устремившись вперед, жить настоящим — огненной реальностью приближения вечности. Есть все же пророчества о том, что океан онтологичной побочной партии прольется на место главной и празднично подхватит ее, словно лодочку, как это часто бывает в русской музыке. Кто заселит территорию неотменимой побочной (по онтологическому смыслу — главной) партии — святые японцы, китайцы, люди смирившегося Запада или все же и русские — время покажет. Зависит от нашей воли ко спасению в любви Божией.

Выбор стоит и перед всеми странами православной цивилизации и их культурами. По како-

му цивилизационному пути им идти? Преобразовать ли им все элементы национальной культуры, а прежде всего народной музыки и искусства, или механически копировать изобретения Запада? Если страны православной цивилизации откажутся от своей духовной миссии в мире, откажутся от высшего дара преображения, то их всемирная отзывчивость обернется обезьянничеством. Достойно ли — быть обезьянами мира?

Присоединение же к величайшему призванию православной цивилизации способно поднять национальные школы на действительную высоту, сделать их драгоценнейшим сокровищем человечества и окрылить нынешнюю унылую жизнь людей. Эсхатон истории приближается неостановимо, что накладывает особую ответственность на наш выбор.

Summary

Analyzed national cultures' unbreakable bond with the spirit of civilization, of which they are. We consider the grounds of the Orthodox civilization, determined the bright national characteristics of Russian culture and its mission in the history of mankind.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ